

Е.М. Баранская,

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ Я.П. ПОЛОНСКОГО.

"Мечтательный, как Байрон, и рассеянный, как Лафонтен" (А. Дюма), Я.П. Полонский входит в большую литературу в начале 40-х годов XIX века. На фоне страстной лирики поэтов-петрашевцев (А.Н. Плещеева, С.Ф. Дурова, А.И. Пальма, А.П. Баласогло, Д.Д. Ахшарумова) его лира слишком нежна, мягка, заоблачна; в сравнении с поэзией Фета, Тютчева – очень уж земная, материально ощутимая. "Летописцем своего времени, отразившим в творчестве духовную атмосферу современного общества"¹, называет Полонского Г.П. Козубовская, сравнивая его концепцию бытия с эстетическими принципами Фета, мир в поэзии которого целиком природен, цикличен, "изъят из истории". Полонский прикован к современной ему истории, к человеку, пребывающему в ней. Он движется вместе со временем, и чем напряженной, интенсивней становится ритм общественной жизни, тем трагичней звучат его поэтические отклики на социальные катаклизмы современности. В 1881 г. поэт пишет К.П. Победоносцеву: "Холодом повеяло от жизни – тяжело, душно, невыносимо душно!.. Шестьдесят лет живу на свете и, клянусь Вам, не помню странного, такого тяжелого времени"². С другой стороны, Полонский как будто грезит наяву, принимает за "действительность не то, что видит, а то, что ему мерещится, и наоборот"³. Фантазийный мир Полонского, "туманный, мечтательный, вечерней или утренней зарей облитый колорит вдохновений"⁴, не вписывался в рамки приземленной реальности. В связи с этим нас прежде всего интересует процесс формирования авторского образа, несомненно, находящегося в зависимости от конкретного историко-литературного контекста.

Так кто же он, этот романтик и идеалист, наделенный способностью тонкого и страстного сопереживания, - певец "чистого искусства", борец-революционер или обыкновенный человек прогресса, чей трагизм заключен в попытке совместить несовместимое: идеальную эстетику и гражданское движение второй половины XIX века?

Художественное мышление автора ни в коей мере не может быть изолировано от культурного и социального наследия, и, безусловно, на создание авторского образа оказывают сильнейшее влияние поэтические традиции. Лирика Полонского стала прекрасным реципиентом тематики и эмоционального настроения пушкинской романтической поэзии: "Нет почти ни одного журнала, где бы не стояло это имя (Пушкина - А.Л.) на самом видном месте и не служило бы для него исходной точкой его литературных и нелитературных убеждений"⁵, - вспоминал Яков Полонский. Его эстетическая система отделена от "злой действительности" (Полонский). Красота, Гармония, Любовь – это привилегии идеального искусства, слияние которого с действительностью возможно лишь в романтической мечте, иллюзии. Полонский убежден: "быть в гармонии с самим собой и природой" – это "не сделать ничего такого, что, по убеждениям нашим, не согласно с законами природы", "нашим человеческим достоинством – одним словом, не изменить себе"⁶. Отсюда – искренности поэтического переживания и предельная откровенность при... явной и несомненной мифологизации своей биографической личности в поэзии. В этом отношении Я.П. Полонский выступает наследником пушкинских ролевых игр, примеряет различные лики Пушкина (Пушкин-литератор, денди, изгнанник, скиталец и т.д.), как когда-то гений лиры перевоплощался в героев его "возлюбленных творцов", особенно когда "эти литературные образы стимулировали его собственное творчество"⁷.

Особенностью восприятия романтической поэзии современниками является полное доверие к поэтическим образам: читатель верит в наличие интимных связей "между героем и автором, героиней и миром авторских чувств" (Ю.М. Лотман), тем самым обязывая автора к определенному типу личного поведения, избличающего в нем романтического поэта. Прибегая к мифотворчеству, Полонский, как и Пушкин, использует художественный текст и "текст поэтического поведения" (Ю.М. Лотман).

Любовная лирика Якова Полонского – прекрасная тому иллюстрация. Его ранние стихотворения заставляют пережить всю гамму чувств: от легкой игривой фривольности ("Маска", 1842 г., "Когда я люблю...") и нежной страсти первого юношеского увлечения ("Пришли и стали тени ночи...", 1842 г., "Диамей", "Вызов", 1844 г.) до "святого страдания", "боли нестерпимой" ("К NN", 1843 г.) безответной любви, разлуки ("Встреча", 1844 г., "Прощай", "Последний разговор", 1845 г., "Грузинка", 1846 г., "Внутренний голос", 1847 г.), "живых грез" ("Письмо", 1853 г.). За каждым произведением скрывается реальная психологическая личность: юная княжна Елена Мещерская, Евгения Сатина – "любимых дум предмет любимый" ("К NN"), белокурая Соня Коризна, любовь которой – лишь "мираж среди пустынных степей" ("Грузинка"), таинственная мадам де Волан, страстная красавица-армянка Софья Гулгас, очаровательная незнакомка... И каждая из земных муз Полонского вносит в его поэзию новый мотив: переживание юного и неопытного чувства ("Пришли и стали тени ночи..."), любовные разочарования ("Встреча", "Не жди", 1849 г.), мотив утаенной и вечной любви, что связан, по-видимому, с Соней Коризной (в замужестве Софьей Михайловной Дурново) и прослеживается на протяжении нескольких лет: с 1844 по 1857 г. ("Вызов", "Грузинка", "Прощай", 1853 г., "Утрата", 1857 г.).

Дневниковые записи Полонского, переписка с друзьями, в частности с Н. Орловым, Н. Ровинским, желающим ему "жениться, чтобы остепениться"⁸, И.Ф. Золотаревым, посвященным в душевные дела поэта в Тифлисе, его поведение в реальной жизни (например, "нечаянный" визит в Одессу летом 1850 г. – еще один любовный эпизод в жизни Полонского), послания к возлюбленным – создают вокруг его личности романтико-поэтическую ауру, что настраивает читателя на особое видение Полонского – поэта, сотворенного в его собственном стиховом творчестве: "свеж и молод", "влюблен, мечты кипят" ("Качка в бурю", 1850 г.). В свою очередь, личное поведение его моделируется литературным образом поэта-романтика: безответно

влюбленный (едва ли не основная поэтическая роль молодого Полонского), скиталец, непрестанно ищущий свой идеал, плененный неизвестностью будущего, страдалец, бегущий от своей любви во имя свободы пылкой души, романтический возлюбленный, вспоминающий о "невольном слиянии уст в нежданный поцелуй" ("Ночь в Крыму", 1857 г.).

Ранняя лирика Полонского проецируется на этапы творчества, дифференцированные по географическому признаку: московский, 1838 – ноябрь 1844 г.; одесский, ноябрь 1844 – июнь 1846 г., кавказский, июнь 1846 – май 1851 г., крымский, лето 1850 г.. Одесса, Крым, Кавказ – не так давно все они фигурировали в поэтическом творчестве Пушкина. Минуты безоглядной страсти переживает Яков Полонский на фоне экзотической природы Южного бережья. Пушкинская среда, в которой Полонский оказывается в Крыму, а также конец лета, окружение (младший брат А.С. Пушкина Лев Сергеевич, жена сенатора, княгиня Е.П. Урусова, урожденная Татищева, давняя знакомая Пушкиных, которых еще в конце 1820-х гг. привлекала "прекрасная среда" "радушного и гостеприимного" московского дома Урусовых⁹), вызывают у молодого автора соответствующие "пушкинские" ассоциации ("Качка в бурю", "Ночь на восточном берегу Черного моря", "Ночь", "Не мои ли страсти..." , 1850 г., "Ночь в Крыму", 1857 г.).

Так лирический герой Пушкина утвердился в творчестве молодого поэта как стереотип, а искренние чувства Я. Полонского, включенные в рамки условной поэтико-романтической формулы, способствовали созданию образа поэта-романтика, отделенного от своей биографической личности.

Лирический герой возникает путем наложения психологических черт автора на его функциональные особенности как поэта. Лирический герой – это "желаемый и художественно воплощаемый образ поэта"¹⁰, который претерпевает трансформацию вместе с эволюцией мировоззренческих, нравственных и художественных установок автора, а также получает "бытовое дополнение в интерпретирующем сознании читателя"¹¹, что придает ему черты биографизма.

Образ автора являет собой некую совокупность трех составляющих (психологическая личность, социальная личность, лирический герой) в их развитии либо совокупность лирических героев поэта. "Это величина не только текстовая, но и до-текстовая, и за-текстовая, она не может исключить читательское пристрастие в процессе интерпретации... и исторической трансформации..."¹².

Психологический портрет Я.П. Полонского, данный, например, его добрым другом Е.А. Штакеншнейдер, выстроен вокруг непеременимого атрибута романтизма: "*Странный человек Полонский... Доброты он бесконечной и умен, но странен. И странность его заключается в том, что простых вещей он иногда совсем не понимает или понимает как-то мудрено, а сам между тем простой такой по непосредственности сердечной...*"¹³ [курсив мой – Б.Е.] .

"Все любили" этого странного, необычайно рассеянного, житейски непрактичного человека, хотя и называли его, как вспоминал знакомый Я. Полонского Л.Ф. Пантелеев, "большое дитя"¹⁴. Примечательно, что в отзывах о Якове Полонском людей самых разных литературных вкусов и общественных пристрастий непременно возникают ассоциации с детством, изначальной добротой, бессознательной приобщенностью к совершенному миру.

Так, драматург Д.В. Аверкиев считал Полонского "идеалистом чистой воды... с ясной душой, непорочной, как у младенца"¹⁵. Даже язвительный остроумец Н.Ф. Щербина не нашел для своего образца остроумия, "Сонника современной русской литературы", едких слов в адрес Полонского, напротив, видеть его [Полонского] во сне – "значит с детьми беседовать"¹⁶. Странность, постоянное пребывание поэта в фантазийном, лишь одному ему доступном мире грез становится неотъемлемой его чертой и объектом добродушных шуток и эпиграмм:

Он так рассеян вдруг бывал,
Что иногда, как спать ложился,
Он потушить жену стремился
И крепко лампу целовал.
В.А. Величко¹⁷.

Непохожесть, исключительность, "детскость" Полонского-человека наполняют его творчество сказочными, волшебными сюжетами ("Солнце и Месяц", 1841 г., "Зимний путь", 1844 г., "Влюбленный месяц", 1868 г.) – еще один штрих к романтическому образу нашего поэта. При этом образы его стихового творчества носят фольклорный, чисто русский характер. Полонский даже использует прием стилизации: "Не пугайся меня, красная девица!", "Как вечер она по садику гуляла - / Плечи белые, грудь белую раскрыла", "Встрепенулось во мне сердце ретивое", "С бриллиантом колечко потеряла, / С белой ручки его, видно, обронила" ("Влюбленный месяц"), наполняет текст словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами (колечко, ручка, кровать, слезинка, тучки и т.д.), прибегает к сказовой манере повествования:

Как ложилась на кроватьку, спохватилась;
Спohватившись, по коврам его искала...
Не нашла она колечка – обозлилась, -
Меня, бедную, воровкой обозвала¹⁸.

Поэт возвращается к истокам родной поэзии, "освобождая былую силу и былой возвышенный дух, который... дремлет в памятниках национальной древности..."¹⁹. Потому раннее стихотворение "Солнце и Месяц", написанное в сказочно-балладной манере (используется прямая речь, время действия – ночь, да и

"освещение" типично романтическое – лунное) убеждает нас, что в природе, одухотворенной высшим смыслом бытия, все "нравственно" (Л.Оболенский), справедливо:

Солнце спит, а Месяц ходит,
Сторожит земли покой.

.....
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдет.

Если ж нет – взойдет в тумане,
Ветер дунет, дождь пойдет,
В сад гулять не выйдет няня
И дитя не поведет [с. 29].

По мостику сна войдя в прекрасный мир, "... на волке верхом / Еду я по тропинке лесной / Воевать с чародем царем" [с. 36]. Войти в царство снов позволяло Полонскому сладкое предчувствие родства с природой. Своего рода пантеистическое созерцание ее давало поэту возможность подметить неуловимые черты природы и слиться с ней воедино, ощутив то ли "непонятное блаженство", то ли "непонятную тоску" ("Лунный свет", 1844 г.). "Сонный сумрак раки", "тусклый" блеск озера, бесприютный "бледный" месяц-невидимка, испускающий "фосфорический свой луч" ("Посмотри – какая мгла..", 1844 г.), "темных листьев шум" и древнее знание "могущественного дуба" ("На могиле", 1842 г.) погружают поэта в неясную, томительную сферу чувств, мучительных и прекрасных одновременно. Мягкие пастельные тона, нечеткая цветовая гамма (желто-белый месяц, голубовато-серебристое озеро и т.д.), качественные эпитеты, такие как "бледный", "тусклый", "сонный", "сизый", "прозрачный", - создают эффект текучих, переливчатых полутонов, мерцающего и прозрачного цвета, эмоционально настраивая читателя на необходимый тон восприятия ("Вечер", "Тишь", 1843 г., "Холодеющая ночь", 1858 г., "В хвойном лесу", 1888 г., "В осеннюю темь", 1890 г. и др.).

Да и весь Полонский – "фантастически туманная, сказочная греза – наивная до детства, и притом до детства совершенно прирожденная, а не благоприобретенная"²⁰, т.е. природного, изначального:

За горами, лесами, в дыму облаков
Светит пасмурный призрак луны.

.....
Мне мерещатся странные сны .
"Зимний путь", 1844 г. [с. 36].

Странность, детская непосредственность, чувство природы характеризуют психологическую личность Полонского, но, будучи основным элементом его художественного мышления, в равной мере дают представление о его литературной личности, позволяя при этом приоткрыть завесу над автобиографическим "я" поэта. Ведь "я" Полонского на раннем этапе творчества завуалировано абстрактным образом поэта-романтика, смоделированным по пушкинскому образцу. Однако (и в этом специфика художественного дарования Полонского) тщательно культивируемый образ романтического поэта попал на благодатную почву: психологически Полонский настроен на идеалы романтизма. Ему не приходится сознательно играть, "рисоваться", он, словно по наитию, "всегда является таким, каков он есть"²¹, - отмечает Е.А. Штакеншнейдер, то есть человеком не от мира сего.

Лев Толстой, будучи весьма невысокого мнения о Полонском как поэте, "очень ценил в нем прямоту и честность" и "вообще признавал его добрым и искренним человеком"²². Л.П. Шелгунова – предмет обожания Я.П. Полонского, глядящего на нее глазами влюбленного М.Л. Михайлова, - писала Якову Петровичу: "Как часто думаю я, что хорошо было бы жить на свете, если бы побольше было таких чистых и ясных душ, как Ваша"²³.

Таким образом, предельная авторская откровенность, искренность переживаний постепенно становятся руководящим художественным принципом поэта, однако акценты с "заданной" (Л.А.Орехова) в некотором роде откровенности, преобладающей в ранней лирике, смещаются в сторону открытого автобиографизма. В письме к Фету, уже после выхода из печати книги стихов "Вечерний звон", Полонский сетует: "По твоим стихам невозможно написать твоей биографии и даже намекать на события из твоей жизни... Увы! по моим стихам можно проследить всю жизнь мою. Даже те стихи, которые так тебе нравятся: "Последний вздох", затем "Безумие горя", "Я читаю книгу песен" – факты, факты и факты – это смерть первой жены. Мне кажется, что не расцвела около твоего балкона в Воробьевке чудной лилии, мне бы и в голову не пришло написать "Зной и все в томительном покое..." А не будь действительно занавешены окна в той комнате, где я у тебя спал, может быть, не было бы и стиха "Тщетно сторою оконной"²⁴.

В значительной степени откровенность Полонского можно объяснить той же идеей романтического жизнестроительства – "видением себя и своей жизни в свете романтических идеалов"²⁵. Полонский по-прежнему проповедует идеальный образ поэта: певца любви и дружбы, чутко откликающегося на тончайшие движения души человеческой. Иное дело, какие категории доминируют в переосмысленной системе ценностей Полонского. С конца 50-х годов наивность и восторженность юности уступают место жизненному опыту, созерцание мира дополняется анализом и самоанализом. Лирический герой не просто влюблен, "свеж и молод", но обретает черты гражданина, что более не довольствуется личным, но болеет душой за

всеобщее ("Чайка", "Безумие горя", 1860 г., "Признаться сказать, я забыл, господи...", 1861 г., "Одному из усталых", "Двойник", "Ползет ночная тишина...", 1862 г., "Поэту-гражданину", 1864 г., "Кораблики", "Откуда?!", 1870 г. и др.):

Писатель, если только он
Волна, а океан Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.
"В альбом К.Ш...", 1864 г. [с. 158].

Полонский живет романтизмом: в реальной дисгармоничной действительности его поведение определяется законами романтизма, главным образом верностью идеальной любви и дружбе, строящимся на основе уважения и взаимопонимания.

Необычайно широк круг дружеских привязанностей Я.П. Полонского (И.С. Тургенев, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, Л.П. Шелгунова, М.Ф. и Е.А. Штакеншнейдер и др.), и слишком ценна для него вера в непогрешимость дружеских уз, ибо даже в оценке человеческих взаимоотношений преобладают категории высшего порядка. Полонский тяжело переносит, например, обиду Фета (с которым все же удастся возродить былую дружбу), разрыв с И.С. Тургеневым. Последний факт особенно трагичен: Тургенев умер, так и не вспомнив о тридцатилетней дружбе с Полонским, но успев за полтора месяца до смерти подписать полное обидных и несправедливых упреков письмо, написанное рукой П. Виардо-Гарсиа: "Издатель Закс объявил мне, что ты сказал ему о том, что у тебя есть старые рукописи, которые ты нашел в Спасском... Я не знаю, что это за рукописи и старые (отрывки), но г-н Закс, кажется, рассчитывает на них... Я тебе заявляю, что если вы, ты и твоя жена, хотите остаться моими друзьями, то я требую, чтобы эти негодные бумаги были немедленно уничтожены все до последней..."²⁶. Датировано письмо 26 июня, 8 июля 1883 года. Полонский не смог выполнить просьбу, т.к. был в Одессе и прибыл в Петербург 7 сентября, после смерти Тургенева, и "уже не мог... сжечь бумаги его, не имел на это права"²⁷, о чем и пишет Виардо.

Редчайший образец трогательного внимания и заботы являют собой отношения Полонского с поэтом М.Л. Михайловым: "Я в первый раз встретил человека, - отзывался впоследствии Полонский о друге, - преданного литературе всеми силами души своей и при этом образованного... чувствительного к малейшей лжи и восторженно преклоняющегося перед красотой и истиной. Не знаю отчего, но я почувствовал к нему глубокую симпатию, видеться с ним стало для меня почти потребностью"²⁸. "Это была нежная дружба, - подтверждает Л.П. Шелгунова. - Виделись они беспрестанно... Перечитывая письма Полонского, постоянно натыкаешься на такие вопросы: "Ну, что Михайлов?.. Приехал ли наконец?"²⁹ И Михайлов знал цену этой привязанности: "... думаю, что в лучшие минуты сердце твое говорило тебе, что я все-таки искренно и тепло люблю тебя..."³⁰, - писал Михайлов Полонскому, находясь в Нерчинской каторге. Много позже, 22 января 1870 г., Шелгунова призналась Полонскому в своей и Михайлова "слабости" к нему, "так что Мих... постоянно говорил в Сибири, что если он умрет, то желал бы, чтобы биография его была написана вами [Полонским - Б.Е.]"³¹. В 1855 г. Полонский посвящает М.Л. Михайлову стихотворение "Качка в бурю", написанное им ранее в Крыму, в 1850 г. После ареста друга Яков Петрович хранил автограф революционного стихотворения "Крепко, дружно вас в объятья" за подписью на рукописи: "Написано в Петропавловской крепости для передачи студентам. 1861 года"³².

Любовь зрелого Полонского - чувство более одухотворенное, глубокое, нежели периода пылкого юношества. Теперь в любви Яков Полонский ищет прежде всего единения душ, сочувствия и поддержки на нелегком пути жизни. Любовь-помощь сближает людские сердца, и даже буря не в силах их разъединить ("Финский берег", 1852 г.), она смягчает души, спасает от одиночества:

Когда б любовь мне спутницей была,

.....

Я проклинать не стал бы даже зла...

"Когда б любовь мне спутницей была...", 1861 г.[с.149] Любовь - единственное, что ценно на земле, только она дает человеку прибежище, покой, защиту, превращаясь в "щит", как в стихотворении "Поцелуй", 1863 г.. Образ любви-щита весьма успокоителен для Полонского, пережившего горе /потерю/ любви:

Любовь моя давно чужда мечты веселой,

Не грезит, но зато не спит,

От нужд и зол тебя спасая, как тяжелый,

Ударами избитый щит.

"Холодная любовь", 1884 г.[с.232]

Отношения Полонского с Еленой Устюжской, первой женой поэта, строившиеся на безупречном доверии и безграничном терпении, подарили обоим обидно короткое, но глубокое чувство счастья. "Светлый образ и глубоко симпатичный голос, - делится Полонский с Л.П. Шелгуновой, - быть может, потрясли во мне давно болезненное и тоскующее сердце"³³. Здесь есть все: и красота, и тоска, и высший накал чувств. Как истинный поэт-романтик Полонский с первого взгляда (он сделал ей предложение после первой же встречи) угадал в этом очаровательном юном создании свой идеал: "Божий голос или голос Мефистофеля в эту минуту шепнул мне: "Вот та, которую ты искал всю свою жизнь, кроме нее для тебя никого нет на свете"³⁴, - рассказывал поэт в письме к М.Ф. Штакеншнейдер. Елена Устюжская, - "прекрасное, энергичное

существо", способное, не солгав, ответить "да" на предложение руки и сердца, сопровождаемое вопросом, "в состоянии ли она будет жить на чердаке и питаться одним хлебом"³⁵, явилась воплощением мечты о возлюбленной - друге.

"Любить по-своему, - уверен поэт Полонский, - значит любить сообразно с характером своей поэтической личности"³⁶, поступающей в согласии с принципом: "Все, что человечно, то и божественно"³⁷. В эстетической системе Полонского любая борьба будет священна, если "в идеале человеческой жизни" "стоит любовь"³⁸:

Любовью - к правде нас веди!
Нет правды без любви в природе,
Люби в природе нет без чувства красоты,
К познанию нет пути нам без пути к свободе,
Труда - без творческой мечты...
"Поэту - гражданину" [с.161].

Еще в 1856 г. Полонский, давая автограф Л.П. Шелгуновой, навсегда определил свои гражданские позиции:

Ты моему молилась богу,
Когда и сердце и дела
Ты на алтарь любви несла -
Была верна любви залогу.

Я был богов твоих певец,
Когда я пел ума свободу,
Неискаженную природу
И слезы избранных сердец.
"Что ждет меня - венец лавровый..."³⁹

Тихая, "незлюбивая" поэзия его, лишенная какого бы то ни было политического пристрастия, уже сама по себе есть акт служения людям, России. Ему, поэту-романтику, человеку искусства, самой природой предназначено быть "правды жаждущих невольным отголоском" ("По торжищам влача тяжелый крест поэта...", 1891 г.). И "как поэту, дела нет, откуда будет свет, лишь был бы это свет..." ("Откуда?!"). Но именно как поэт, наследник пушкинского принципа романтического бездействия, в глубине которого заключена напряженнейшая внутренняя активность, Полонский глубоко несчастлив. Находясь в окружении таких людей, как П.Я. Чаадаев, Ф.Н. Глинка, А.Н. Майков (проходящий по делу петрашевцев и переживший страх ссылки), Ф.М. Достоевский и А.Н. Плещеев (перенесшие ужас Семеновского плаца), Полонский не мог оставаться бесстрастным свидетелем российских бед.

Мотивы свободы, равенства, братства наполняют свободолобивую, возвращенную "могучей лермонтовской мыслью"⁴⁰ поэзию петрашевцев. В 50 - 60-е годы они находят прочное обоснование в художественном мире Я.П. Полонского, свято верящего, что "всем людям" он брат, "что знание убьет растлевающий яд" ("В альбом Г... В...", 1888 г.).

Немало "противозаконных" действий и подцензурных мыслей накопилось на совести поэта в это время: знакомство с "неблагонадежными" людьми (Л.Ф. Пантелеевым, Н. Кудиновичем, арестованным за распространение герценовского "Колокола", П.Л. Лавровым), сочувствие студенческому движению в Петербурге, переписка с Герценом, выступление со стихотворением "Одному из усталых", хранение прокламации "Земли и воли", дружба с государственными преступниками М.Л. Михайловым, Н.В. Шелгуновым... И еще: "Мне завидно, что он идет на каторгу, - пишет Полонский А.А. Сонцеву, добываясь посещения М.Л. Михайлова в крепости, - кажется, с удовольствием пошел бы на его место..."⁴¹. Слова эти искренние, им можно верить, потому что только доведенный до отчаяния человек может решиться на публичный бунт против своего идеала - своего "я": величественной, покойной, но холодно-безразличной в своей полноте природы:

...Природа не умеет утешать,
И ничего не сделает природа
С таким отшельником, которому нужна
Для счастья законная свобода,
А для свободы - вольная страна.
"Одному из усталых", 1862 г. [с.153].

И.С. Тургенев, убежденный, что "время чистой поэзии прошло и наступило время критики, полемики, сатиры"⁴², поддерживает активнейшую переписку с Полонским, страстно выступает в его защиту на страницах журналов, в частности, в 1869 г. пишет открытое письмо в "Санкт-Петербургские ведомости" в ответ на едкий отзыв М.Е. Щедрина о творчестве Полонского. В 1874 г. Тургенев закончил повесть "Пунин и Бабурин", в которой нашло отражение дело петрашевцев. В каждом из персонажей, как обоснованно утверждает А.З. Розенфельд, "конденсировались черты некоторых реальных участников дела петрашевцев"⁴³. Вместе с тем М.Г. Агунина, акцентируя внимание на автобиографическом характере повести, отмечает, что в образе Пунина отражены черты Я.П. Полонского⁴⁴. Так что же, имя Полонского ассоциируется у Тургенева с обликом петрашевца? Такое предположение вполне допустимо, особенно в свете настроений Я. Полон-

ского в 60-70-е годы, соответствующие уверенности М.В. Петрашевского, что "придет пора, когда для счастливого человечества слова: нищета, страдания,.. несправедливость, порок и преступление - утратят свое удручительное значение..; все в обществе и природе придет в стройную гармонию, - труда тяжкого не будет, труд будет актом наслаждения, - и что эпоха всеобщего наслаждения настанет"⁴⁵. Если подобные мечты революционны, то Полонский - революционер, но в той степени, в которой ему позволяет его чувство человечности.

Итак, Я.П. Полонского принимают как признанного законодателя в поэзии и поэта с исключительно своеобразным и всеми узнаваемым литературным обликом. Однако в своей поэзии он мертв для современности. С.П. Шевырев - автор знаменитой речи "О значении Жуковского в русской жизни и поэзии" - в письме М.П. Погодину за 1853 г. отмечает: "У Жуковского душа, *обращенная сама на себя*, дает содержание поэзии"⁴⁶. Слова эти вполне применимы к Полонскому, для которого главной темой в поэзии становится собственный внутренний мир - романтически бездеятельный и романтически же трагедийный, вынужденный сражаться за мечту, но осознающий бесплодность этой борьбы.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Козубовская Г.П. А. Фет и Я. Полонский (проблема художественного мышления) // Проблемы изучения жизни и творчества А.А. Фета: Сборник научных трудов. – Курск, 1992. – С.184.
- ² Там же. – С.185.
- ³ Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки. - М.-Л., 1936.- С.122.
- ⁴ Григорьев А.А. Эстетика и критика. – М., 1980. – С.128.
- ⁵ Лагунов А.И. О романтизме в русской психологической лирике середины XIX века // Вопросы истории и поэтики русской литературы. – Ставрополь, 1957. – С.120.
- ⁶ Там же. – С.124.
- ⁷ Лотман Ю.М. Пушкин. – СПб., 1995. – С.329.
- ⁸ Тхоржевский С.С. Портреты пером. – М., 1986. – С.235.
- ⁹ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. – Л., 1989. – С.456.
- ¹⁰ Орехова Л.А. Образ автора и поэтика жанра: русская лирическая проза. Автореф. дисс... доктора филол. наук. – М., 1993. – С.11.
- ¹¹ Там же. – С.11.
- ¹² Там же. – С.12.
- ¹³ Тхоржевский С.С. Указ. соч. – С.256.
- ¹⁴ Орлов П.А. Я.П. Полонский. Критико-биографический очерк. – Рязань, 1961. – С.45.
- ¹⁵ Там же. – С.40.
- ¹⁶ Там же. – С.42.
- ¹⁷ Там же. – С.43.
- ¹⁸ Полонский Я.П. Сочинения: В 2-х т. – Т.1. Стихотворения; Поэмы. – М., 1986. – С.176. Далее стихотворения Полонского цитируем по названному изданию с указанием страницы в тексте.
- ¹⁹ Литературная теория немецкого романтизма. Документы. – Л., 1934. – С.199.
- ²⁰ Григорьев А.А. Указ. соч. – С.129.
- ²¹ Тхоржевский С.С. Указ. соч. – С.256.
- ²² Орлов П.А. Указ. соч. – С.42.
- ²³ Там же. – С.41.
- ²⁴ Тхоржевский С.С. Указ. соч. – С.335-336.
- ²⁵ Орехова Л.А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза). – К., 1992. – С.41.
- ²⁶ Тургенев И.С. Переписка с Я.П. Полонским // Звенья. – Т.8. - М., 1950.- С.250-251.
- ²⁷ Там же. – С.258.
- ²⁸ Орлов П.А. Указ. соч. – С.54.
- ²⁹ Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. Воспоминания: В 2-х т. – М.-Л., 1967. – Т.2. – С.94.
- ³⁰ Там же. – С.493.
- ³¹ Там же. – С.493.
- ³² Орлов П.А. Указ. соч. – С.55.
- ³³ Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. Указ. соч. – Т.2. – С.95.
- ³⁴ Тхоржевский С.С. Указ. соч. – С.272.
- ³⁵ Переписка Н.А. Некрасова: В 2-х т. – Т.1. – М., 1987.- С.503.
- ³⁶ Орлов П.А. Указ. соч. – С.86.
- ³⁷ Тхоржевский С.С. Указ. соч. – С.338.
- ³⁸ Орлов П.А. Указ. соч. – С.81.
- ³⁹ Н.В.Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. Указ. соч. – Т.2. – С.64.
- ⁴⁰ Орехова Л.А. Лермонтовские мотивы в поэзии петрашевцев // Актуальные вопросы современного лермонтоведения. Литературоведение: материалы и методические рекомендации. – К., 1989. – С.65.
- ⁴¹ Тхоржевский С.С. Указ. соч. – С.289.
- ⁴² Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. – М. – Т.14. – С.40.
- ⁴³ Розенфельд А.З. Тургенев и Н.В. Ханьков // Тургенев и его современники. - Л., 1977. – С.88.
- ⁴⁴ Агунина М.Г. К вопросу о реальных источниках повести Тургенева "Пунин и Бабурин" // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. – Л., 1982.- С.202 – 205.
- ⁴⁵ Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. – Л., 1984. – С.344.
- ⁴⁶ Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. – Кн.12. – СПб., 1898. – С.423.